

ТАСТРОЛИ

Патрисия Каас: «Я стала чаще улыбаться...»

(К концертам известной французской певицы в Москве)

Каролина МАНЖЕ

СОВСЕМ недавно она отпраздновала свою 31-ю годовщину. К этому дню Патрисия Каас выпустила в свет больше 10 миллионов экземпляров пластинок и, кажется, наконец-то обрела большую любовь в лице бельгийского певца Филиппа Бергмана. Позади у «маленькой феи из Форбака» — 10 лет сценической карьеры, впереди — новые гастрольные поездки, новые планы, надежды, мечты о счастье...

— Была ли в вашей жизни поло-са, когда единственно значимой казалась вам артистическая карьера?

— Да, в самом начале, а затем еще и после смерти матери в 1989 году. Мне было тогда очень плохо. У меня пропал интерес к жизни, не хотелось ничего, ни любви, совсем ничего. Для меня и сегодня карьера имеет огромное значение, но теперь я уже стала другой. Теперь у меня есть Филипп.

— Где вы живете? В своем огромном доме под Рамбуи?

— Я действительно купила там дом, но не живу в нем. Он расположен в заповедном месте, и для того чтобы сделать самый мелкий ремонт, нужно получить кучу разрешений. Это немного охладило наше желание там поселиться. Сегодня я полностью по-

глощена гастрольным турне, ну а потом будет видно.

— Вы сознательно выбрали удаленное от столицы место?

— Я всегда любила Париж. Хотя моя городская квартира все-таки напоминает деревенское жилье: стены из толстого бруса, камин... На первом этаже дома маленькие магазинчики, в которых можно купить все что душе угодно. Если бы не Филипп, я бы, наверное, никуда так и не переехала. Так что это целиком его идея. К тому же сельская жизнь придется по вкусу нашей собаке Лолите.

— Филипп с Лолитой сопровождают вас на гастролях?

— Если не лечу самолетом, я всегда беру Лолиту с собой. Филипп иногда приезжает к нам без предупреждения, сюрпризом. Сейчас, правда, он занят подготовкой своего нового альбома, работой с молодой начинающей певицей, которой помогает в качестве продюсера, а также последним своим увлечением — Интернетом.

— Есть ли у вас какие-нибудь особые «сценические» амулеты?

— Я всегда ношу мамино обручальное кольцо. И еще, выходя на сцену, обязательно держу плюшевого мишку, которого когда-то ей подарила. Мама не расставалась с ним до своей последней минуты. Теперь этот мишка

Патрисия познакомилась с Филиппом в 1993 году во время предыдущего гастрольного тура. Филипп вел первую часть концертов. Первый поцелуй, которым они обменялись на сцене, стал началом большой любви.

оберегает и меня. Я даже сплю с ним.

— Чем вы увлекаетесь?

— Главное мое хобби — музыка. Следующее за ним — тряпки. Оставьте меня одну в самом захудалом городишке на пару минут, и я непременно найду какой-нибудь новый наряд, который здесь можно купить. Кажется, это типично женская мания. Всегда, если я совершу нечто такое, чем могу гордиться, я непременно делаю себе очередной подарок.

— Песня «Я бросила все ради тебя», написанная для вас поэтом, композитором и певцом Филип-

пом Бергманом, автобиографична?

— Название, разумеется, автобиографично. Оно напоминает историю нашего знакомства. Через три дня после первой нашей встречи Филипп оставил Бельгию, свой дом и друзей и переехал ко мне.

— Это была жертва с его стороны?

— Даже если и была, то мне он об этом ничего не говорил! Конечно, начиная жить с другим человеком, каждый так или иначе вынужден отказываться от какой-то части прежней жизни. Я имею в виду не только километ-

ры, которые приходится иногда преодолевать. С тех пор как мы вместе, я тоже гораздо реже встречаюсь со своими друзьями.

— Вы смогли бы отказаться от искусства ради мужчины?

— Нет. Человек, собирающийся связать свою судьбу с моей, должен принять меня со всеми моими недостатками и пристрастиями. Мне кажется, на свете нет ничего, что могло бы заставить меня отказаться от искусства.

— Но Филипп ведь отказался ради вас от многого?

— Но он же не перестал петь! Я

на — столько серьезно отношусь к своему призванию, что мне даже в голову не придет требовать от другого человека, чтобы он отказался от своего! Да, Филипп бросил ради меня все, но он, к счастью, сохранил и свой взгляд на жизнь, и свои честолюбивые мечты.

— Вас не раздражают бесконечные разговоры о том, что вы якобы сменили имидж?

— По-моему, я как была, так и осталась собой. Я даже ношу те же самые вещи, правда, ношу их теперь по-другому. Я чувствую сегодня больше уверенности в себе, ощущаю больший внутренний комфорт. Слухи о том, что я якобы сделала себе пластическую операцию, изменив форму губ, меня, скажу откровенно, взбесили. В этом есть что-то унижительное. «Ах, вы видели? Патрисия Каас стала такая хорошенькая! Интересно, что она с собой сделала?»

— А вы, значит, ничего и не делали?

— Да нет же, ничего! Есть женщины, которые с годами дуреют, а есть те, что, напротив, хорошеют. Наверное, я отношусь ко второй категории. Вместе с тем я совсем ничего не имею против пластической хирургии. Если проблема внешности превращается в психологическую проблему, наверное, разумно обратиться к помощи специалиста. Когда у меня лет через 10–15 появятся морщины или мешки под глазами, я, возможно, тоже так поступлю.

— Любовь Филиппа изменила вас?

— Да, пожалуй... После встречи с ним я обрела душевное равновесие. Мне как никогда раньше хочется быть красивой, чтобы любимый человек восхищался мной.

— Что вы понимаете под словами «быть красивой»?

— Думаю, я внутренне стала совсем другим человеком, и это, конечно, бросается в глаза. Я стала чаще улыбаться, по-новому воспринимать многие вещи... Не знаю, что тому причиной. Наверняка прожитые годы и, возможно, любовь...

— Смерть родителей также сильно повлияла на вас?

— Наверное, я повзрослела. Поняла, что жизнь слишком коротка, а потому нельзя терять время на всякие пустяки. Утрата родителей, мне кажется, в душе каждого из нас производит перево-

рот, который невозможно объяснить.

— Когда ваш отец заболел, вы прервали работу над записью альбома...

— Конечно, я сразу же поехала к нему. После того как его не стало, я уже не могла петь о любви и дружбе так, как пела до этого. Слушая сейчас эти записи, я до сих пор слышу грусть в своем голосе...

— Вы верите в Бога?

— Никогда не была страстно верующим человеком. Может быть, лишь в глубоком детстве, когда учила закон Божий... Когда умерла мама, я совсем перестала верить в Бога. Сегодня я верю лишь в бессмертие любви, соединяющей двоих.

— Вы жалеете, что не успели познакомиться родителей с вашим избранником?

— С папой успела. Больше всего меня угнетает мысль, что мама так и не увидела меня взрослой женщиной, что она никогда не увидит моих детей...

— Вам случалось переживать минуты отчаянной тоски, о которой вы так часто поете?

— Тоска совсем не в моем характере. В самом начале карьеры, признаюсь, я была немножко затюканной. Страшно стеснялась своего акцента, боялась лишний раз открыть рот, только стеснительно улыбалась... И старательно возводила вокруг себя прочные стены. Меня многие считали холодной, хотя в действительности я лишь чувствовала себя неудобно.

— Ваши родители пылко друг друга любили?

— Они прожили вдвоем долгую жизнь, вырастив семерых детей. Относились друг к другу очень нежно, хотя и не позволяли себе проявлять это на людях. У нас в семье было не принято целоваться при детях.

— В этом вы на них похожи?

— Совсем нет! Во всяком случае, сейчас. В юности я была ужасно стеснительной, но с тех пор изменилась. Могу привести доказа-

тельство: я не побоялась поцеловать Филиппа на сцене в Берси на глазах 12 тысяч зрителей.

— Вы придаете большое значение официальному браку?

— Нет. Сейчас нет. Возможно, позже, когда у нас родится ребенок... А потом... Мы и так с Филиппом живем вместе. Если бы мы вздумали пожениться, что бы от этого изменилось?

— Не боитесь ли вы, что работа всегда будет заставлять вас откладывать на потом рождение ребенка?

— С уверенностью я могу сказать лишь одно: я никогда не брошу искусство ради ребенка и ни за что не откажусь от ребенка ради искусства. Но это настолько серьезный шаг, что к нему необходимо подготовиться. Возможно, после гастролей, года через два... Мне и самой этого хочется. То есть я хочу ребенка, отцом которого бы стал Филипп. Знаете, он совершенно гениальный человек!

— Вам бы хотелось, чтобы ваш ребенок был похож на вас?

— Наверное, это было бы совсем неплохо. Кажется, у меня неплохой характер. Простой и одновременно достаточно волевой. Для жизни это годится. И еще мне бы хотелось, чтобы у него были такие же, как у меня, чуть раскосые глаза, которыми так гордился мой отец, называвший их «фамильными глазами Каас». И, наконец, пусть будет похож на меня, потому что мы с Филиппом сами похожи друг на друга, во всяком случае, внутренне...

— Филипп — мужчина вашей жизни?

— Эта фраза совсем не в моем вкусе. Что это значит, мужчина чьей-то жизни? Разве нам дано знать, как долго продлится любовь? Возможно, один из нас еще встретит в жизни кого-то другого. Скажу лишь одно: Филипп — тот человек, с которым мне бы хотелось быть рядом долго. Вместе мы уже четыре года, и все они наполнены счастьем...